

Въ Святую Пасху.

(Изъ прошлыхъ воспоминаній).

Весенняя заря, старающаяся побороть наступающую долгую сѣверную ночь, точно силится дотянуть до перваго благовѣста и вмѣстѣ съ людьми встрѣтить первый пасхальный радостный кличъ. Уже собрались къ храму подростки и тащатъ на веревкѣ къверху деревянный крестъ. Начинаютъ сало. Палаживаютъ въ площадкахъ фитили.

А на небосклонѣ все еще свѣтло,—все еще играть, ожидая праздника, заря. Въ старый незвучный колоколь ударили къ „Дѣянїямъ“. Въ маленькой церковкѣ по связямъ арокъ и иконостасу протянулись гирлянды пихты и цвѣтовъ; у клиросовъ и по угламъ стоятъ зеленыя пихточки, придавая какую-то особенную прелесть бѣдному храму. Въ храмѣ, пока темномъ, неосвѣщенномъ, толпится молодежь. Пугливо, конфузливо и трепетно она ждетъ своей очереди—вмѣстѣ съ другими прочесть по складамъ нѣсколько листовъ изъ „Дѣянїй“. Послѣ возгласа начинаютъ читать...

Темно въ храмѣ. Только у гроба, гдѣ лежитъ „мертвъ, бездыханенъ Жизнодавецъ“, горятъ лампады и теплятся свѣчи. Въ храмѣ стоитъ тишина. Иконостасъ въ тѣни и кажется чернымъ, темнымъ. Монотонно, глухо звучитъ и отдается вверху, въ пустомъ сводѣ, голосъ чтеца. По угламъ, у стѣнъ, сидя спятъ, уткнувшись въ полусогнутыя колѣни, богомольцы. Неграмотные толнятся вокругъ чтеца и завистливо смотрятъ ему въ профиль...

Это—чужая, темная, неизвѣстная для меня толпа... Домой бы теперь, на родину, къ своимъ... вмѣстѣ бы встрѣтить великій и святой праздникъ!..

И все глубже, чувствительнѣе и больнѣе сознается одиночество, затерянность въ этомъ таежномъ, сѣверномъ углу, въ голову настойчиво стучится мысль о томъ, что здѣсь нѣтъ до тебя никому никакого дѣла.

И, можетъ быть, не я одинъ переживаю это гнету-

щее чувство одиночества; можетъ быть, и другіе пастыри — сосѣди чувствуютъ тоже самое; иные же, навѣрное, привыкли съ годами къ такой жизни. Они не задумываются теперь ни о себѣ, ни о чемъ: жизнь не томить ихъ болѣе...

А въ эту святую ночь, — когда мы все вспоминаемъ Воскресеніе Христа, когда мы проповѣдуемъ и призываемъ „насладиться сего свѣтлаго торжества“, — хотѣлось бы переживать эту связь съ другими собратьями-пастырями, большими, старѣйшими... Тогда бы и грустно такъ не было... Не думалось бы такъ, а было бы радостное сознаніе, что все мы — едино, что при внѣшней разобщенности мы внутренне представляемъ одну тѣсную, кровную, семью. Пусть одинъ изъ насъ тамъ, а другой здѣсь, — мы все чувствуемъ одинаково близко и тѣхъ, что въ тундрѣ, и тѣхъ, что въ тайгѣ, и тѣхъ, что въ степи... Все мы — дѣти одного Отца и творимъ одну Его волю, дѣлаемъ одно Его дѣло...

А заря не дождалась. Темная ночь заглушила ее и легла на землю такая глухая, тихая, притаившаяся. Точно замерла въ ожиданіи встрѣчи Христа. Люди шли ощупью, осторожно глядя на освѣщенные церковныя окна и колокольню. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами пѣшиходовъ-богомольцевъ, и шаги ихъ гулко и звонко отдавались среди ночной тишины. Людямъ не ждалось. Все были дома. Все приготовились къ празднику и теперь шли въ храмъ, сверкающій огнями, строгіе, сосредоточенные, приодѣтые.

И лишь только прозвучалъ съ колокольни первый ударъ колокола, — къ церкви потянулось все больше и больше тѣней. Наполнился маленькій храмъ. Освѣтился всеми свѣчами. Стало въ храмѣ душно,

Последнее грустное пѣніе — „Не рыдай Мене, Мати“...

Горделиво, съ сознаніемъ какой то важности, берутся „богоносы“ за хоругви, подсвѣчники, иконы... Какое то особенное сознаніе просвѣчиваетъ на подбритыхъ мужичьихъ лицахъ... „Воскресеніе Твое, Хри-

сте Спасе“—запѣваю я, все еще напаянный мірской тоской, завистью, что толпа встрѣчаетъ праздникъ дома, среди своихъ. Но не тоскливымъ кажется другимъ мой запѣвъ. Дружно подхватываютъ его пѣвцы и ихъ разнородные звуки волной плывутъ по храму и вырываются на улицу.

Порывъ свѣжаго ночного воздуха обдаётъ лицо, освѣжаетъ голову. Душа встрепелась... Какой то нервный холод пробѣгаетъ по тѣлу. На глазахъ невольно выступаютъ слезы восторга. И все выше и выше подпѣваютъ голоса: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“... И кажется, что вотъ-вотъ, тутъ, вблизи „ангелы поютъ“ въ ночной мглѣ. И въ этотъ моментъ ясно ощущаетъ сердце вѣрующаго, что не мы одни, а весь христіанскій міръ слился сейчасъ въ одну общую пѣснь, чтобы „чистымъ сердцемъ“ славить Воскрѣсшаго Христа.

Нетерпѣливо ждуть оставшіеся въ храмѣ богомольцы перваго пѣнія: „Христось Воскресе“... И вотъ скоро раздатеся и оно—радостное, дружное, всеобъемлющее и охватываетъ всѣхъ однимъ восторгомъ. Горятъ свѣчи, горитъ душа, таетъ сердце и становится душа такая нѣжная, любящая. Горячо возноситъ она мольбы свои къ Богу, забыла она всѣ заботы свои и „ненавидящимъ насъ“ простила все ради Воскресенія...

„Христось Воскресе“...—„Воистину воскресе“—отвѣчаютъ молящіеся,—всѣ радостные, слившіеся въ одну свѣтлую огненную массу горящихъ свѣчь, окутанные благовоннымъ дымомъ кадила...

Христосеуются... Цѣлую братски всѣхъ. И безконечное „Христось Воскресе“ заполняетъ всѣ своды храма, сливается съ ликующимъ звономъ церковныхъ колоколовъ и пробирается въ бѣдныя избушки, гдѣ остались старые да малые... Просынаются ребята, заспаные, недоумѣвающіе... Просынается заря и бѣжитъ, яркая и огненная, издалека послушать побѣдные клики жизни, торжества, воскресенія, внимать пѣнію Человѣческихъ голосовъ и мертвыхъ, но въ этотъ день ожившихъ, колоколовъ...

Солнце свѣтитъ какъ-то необычно, радостно, слов-

но и оно хочет принять участие въ радости земли, присоединиться къ славленью колокольныхъ звуковъ и свѣтомъ своимъ залить всю землю, весь міръ...

И ярко-ярко свѣтитъ солнце, громко и торжественно поютъ колокола, и вмѣстѣ всѣ будятъ людей, не даютъ имъ отдохнуть послѣ безсонной пасхальной ночи, а зовутъ скорѣе присоединиться къ общему побѣдному зову:

Христось Воскресе!

Свящ. Г. Климовскій.
